

ром Повести Ю. А. Яворский склонен считать Пахомия Серба или Михаила — составителей служб Петру и Февронии.²⁰

Аргумент от «песнопений» не может быть принят, ибо среди тропарей и кондаков, на которые ссылается Ю. А. Яворский, вообще нет ни одного песнопения, посвященного русским святым. К тому же существование службы Петру и Февронии XV в. избавляло Ермолая от необходимости сочинять новое произведение подобного рода. Наличие этой службы, однако, ни в коей мере не доказывает бытования Повести о муромских свя-тых как законченного письменного литературного произведения, а лишь говорит о существовании фольклора, наличие которого не отрицал и В. Ф. Ржига.

Таким образом, критика Ю. А. Яворского не поколебала основных выводов В. Ф. Ржиги о Ермолае как составителе Повести о Петре и Февронии.

Анализ содержания Повести также лишь подкрепляет гипотезу В. Ф. Ржиги. Обычный заголовок произведения начинается словами «Повесть от жития новых чудотворецъ муромских». «Новыми чудотворцами» именовались в середине XVI в. канонизированные соборами 1547—1549 гг. русские святые (см., например, упоминание о «новых чудотворцах» у Ивана Пересветова и др.). Интерес к новоявленным святым у Ермолая не случаен, поскольку публицист принадлежал к окружению митрополита Макария, инициатора составления многих житий русских святых в середине XVI в. В самой Повести можно найти отголоски событий первой половины XVI в. Так, главными врагами Петра и Февронии выступают бояре. Борьба великокняжеской власти с боярством сделалась одним из важнейших моментов внутриполитической истории России только после создания в конце XV в. Русского централизованного государства. Мотив о змеборстве опять-таки связан с событиями XVI в., и, в частности, с борьбой с Казанью (ср. легенды об основании этого города в «Казанской истории»).

Таким образом, если основу сюжета Повести о Петре и Февронии составляла народная легенда, корни которой, возможно, были весьма древними,²¹ то обработку легенды в особую Повесть следует приписать перу Ермолая-Еразма. Публицист, проявлявший в ряде своих произведений живое сочувствие к народным массам, заинтересовался народной легендой, в которой героиней была простая крестьянская девушка, и обработал ее в яркую по форме и глубокую по содержанию повесть, ставшую одним из самых значительных произведений этого жанра в русской литературе XVI в.

Наконец, интересен факт связи муромской агиографии со Псковом. Так, например, в житии Константина Муромского сообщается о «явлении» муромских чудотворцев псковскому посадскому человеку Петру.²² Поэтому знакомство псковитина Ермолая с муромскими легендами не должно нас удивлять.

²⁰ Ю. А. Яворский, стр. 294—295. Автор при этом упускает из вида, что Михаил жил в середине XVI, а не в XV в. О службах Петру и Февронии см.: В. Я б л о н с к и й. Пахомий и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 195—197.

²¹ В. Т. Пашуто и С. И. Подобедова связывают происхождение легенды с фольклором XIII в., не приводя, впрочем, развернутой аргументации в пользу этого предположения (В. Т. П а ш у т о. За марксистско-ленинскую историю литературы. — Вопросы истории. М., 1950, № 3, стр. 120; О. М. П о д о б е д о в а. «Повесть о Петре и Февронии»... стр. 291).

²² По рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 147 издана И. А. Шляпкиным (Ермолай прегрешный, новый писатель эпохи Грозного. — С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, стр. 563—565).